

направляясь к какой-то другой цели. И все же, мне интересно, понимает ли гроза, что мы находимся у нее на пути. Интересно, есть ли ей до нас дела.

Я действительно присоединюсь. На этот раз не буду трусом. Моя дочь сидит в пяти метрах от меня на нашем заднем дворе, и я, черт возьми, буду рядом с ней. Это меньшее, что я могу сделать, пока жив.

Интересно, будет ли это что-нибудь значить для нее.

После катастрофы; до того, как мы все осознали.

Казалось, кто-то перевернул город вверх тормашками и потряс. Мы пробирались через неглубокое море мусора: обломки стен, куски сорванных крыш, туалеты, диваны и битое стекло. Я шел позади Энн, Джесс подпрыгивала у меня на плечах, издавая радостные булькающие звуки; ей исполнилось чуть больше года, она еще не умела говорить, но была достаточно взрослой, чтобы постоянно удивляться. Я это видел по глазам. Каждая газета на ветру, каждая птица, каждый шаг становились для нее новым поразительным опытом.

И еще каждый заряженный дробовик. Каждый нацгардец, которому только повод дай пострелять. В то время люди еще считали себя хозяевами положения. Они видели, как содержимое их домов разбросало по ближайшим кварталам, и считали главным врагом не погоду, а друг друга. Ураганы были случайными капризами природы. Эксперты по прежнему обвиняли во всем вулканы и парниковый эффект. Мародеры же казались чем-то реальным. Осязаемым фактом. Они представляли собой задачу с очевидным решением.

Волонтерское пристанище притаилось поодаль, словно цирковой шатер во время Армагеддона. Внутри усталая женщина вручила нам лопаты и вилы и направила к ближайшей куче неразобранного мусора. Мы начали закидывать фрагменты чьей-то жизни в огромный синий мусорный контейнер. Мы с Энн работали рядом, время от времени останавливаясь, чтобы передавать Джессику друг другу.

Я гадал, какие новые сокровища мне предстоит раскопать. Чудом уцелевшую семейную реликвию? Полную дискографию «Jethro Tull»? Конечно, это была просто забава: район уже прочесали, владельцы спасли то, что можно было спасти, под мусором таялся только мусор. И все-таки время от времени казалось, что в грязи что-то блестит: крышка от бутылки, фольга от жевательной резинки, «Ролекс»...

Пробив кусок штукатурки, вилы плавно вошли во что-то мягкое. Под моим весом резко опустились, словно смазанные. И остановились.

Я услышал приглушенное шипение выходящего газа. Откуда-то донесся слабый запах тухлого мяса.

«Это не то, о чем я подумал. Здесь уже побывали спасатели. Они использовали служебных собак и инфракрасные приборы, и они уже нашли все трупы, они ничего не могли пропустить, здесь нет ничего, кроме дерева, штукатурки и цемента...»

Я покрепче сжал вилы и потянул древко на себя. Зубцы вышли из штукатурки — скользкие, темные, влажные.

Энн рассмеялась. Я не поверил своим ушам. Я поднял глаза, но она не смотрела ни на меня, ни на вилы, ни на коагулирующее пятно. Глядела поверх мусора на пикап «форд», набитый местными жителями с

винтовками, медленно продвигавшийся по расчищенной части улицы.

— Зацени бампер,— сказала она, понятия не имея, что я обнаружил.

На бампере со стороны водителя была наклейка. Я увидел карикатуру на грозовую тучу, обрамленную классической красной окружностью с косой чертой. И слоган.

Предупреждение для тех, кого это может касаться: «Тучи, мы надерем вам задницу».

Джесс снимает наушники, когда я присоединяюсь к ней. Она нажимает кнопку на приемнике. Из динамика на передней панели доносятся загадочные вопли, которые кажутся на удивление знакомыми. Какое-то время мы сидим молча, и звуки окутывают нас.

Она вся такая бледная. Я едва различаю ее брови.

— Известно, куда она направляется? — наконец спрашивает Джесс.

Я качаю головой.

— Не исключено, что в Хэнфорд, но они никогда раньше не нападали на реактор. Говорят, она, возможно, пытается как следует разогнаться, чтобы пересечь через горы. Возможно, снова нацелилась на Ванкувер или СиТАк¹.— Я похлопываю по коробке у нее на коленях.— Эй, может, она строит планы, пока мы разговариваем. Ты уже достаточно долго

¹ СиТАк (*Sea-Tac, SeaTac*) — международный аэропорт Сиэтл/Такома, а также город с населением около тридцати тысяч жителей, выросший вокруг него и официально зарегистрированный в 1990 г.

слушаешь эту штуку — теперь должна знать, о чем она говорит.

На горизонте вдали мелькают стробоскопические зарницы. Из приемника Джессики раздается нестройное крещендо из дюжины голосов.

— Или ты могла бы поговорить с ней,— продолжая я.— Недавно узнал, что связь теперь двусторонняя. Такие приборы, как твой, могут не только получать сигналы, но и отправлять.

Джесс крутит регулятор громкости.

— Это все рекламный трюк, папа. Эти устройства недостаточно мощные, чтобы пробиться через мешанину в воздухе. Телевидение, радиоволны и...— Она склоняет голову набок, прислушиваясь к звукам, доносящимся из динамика.— Кроме того, все равно никто не понимает, что они говорят.

— Ах, но они могли бы понять нас,— говорю я с толикой притворного драматизма.

— Ты так думаешь? — отвечает она невыразительным, безразличным голосом.

Я упорствую. По крайней мере, разговор помогает слегка сгладить собственный страх.

— Конечно. Крупные точно могли бы понять. У бури такого размера должен быть шестизначный IQ, запросто.

— Наверное,— говорит Джесс.

Внутри меня что-то надламывается.

— Неужели тебе и правда все равно?

Она просто смотрит на меня.

— Неужели ты не хочешь разобраться? — продолжаю я.— Мы сидим тут под этой громадной штукой, которую никто не понимает, мы не знаем, что она делает и почему, и вот ты слушаешь, как она

кричит сама на себя, и тебе как будто наплевать, что из-за нее все изменилось в один миг...

Но, конечно, она не помнит. Ее воспоминания не охватывают то время, когда мы думали, что тучи — это просто... тучи. Она понятия не имеет, каково править миром, и не мечтает о подобном.

Моя дочь равнодушна к поражению.

Во мне внезапно просыпается сильнейшее желание ее обнять. «Господи, Джесс, прости, что мы так страшно облажались». Ценой некоторых усилий я беру себя в руки.

— Какая жалость, что ты не помнишь, как все было.

— А почему? — спрашивает она.— Что было по-другому?

Я удивленно смотрю на нее.

— Всё!

— Что-то не похоже. Говорят, мы и тогда не разбирались в погоде. Ураганы и торнадо случались и раньше, и время от времени они разрушали целые города, и их тоже никто не мог остановить. Какая разница, происходит это потому, что небо живое, или просто из-за какой-то, ну, случайности?

Все дело в том, что твоя мать мертва, Джесс, и после стольких лет я все еще не знаю, что ее убило. Были это просто слепой случай? Или рефлекс медлительного, глупого животного, которое просто почесалось?

Может ли небо совершить убийство?

— Это важно,— вот и все, что я ей говорю. Даже если оно ничего не меняет.

Грозовой фронт теперь почти над нами, словно пасть огромной черной пещеры, пожирающая небе-

са. На западе все чисто. Вверху граница шквала разрывает небо на две неравные части.

На востоке мир погружен в грязно-зеленую мглу.

Я чувствую себя таким уязвимым на открытом пространстве. Оглядываюсь через плечо. Бронированный дом припал к земле у нас за спиной, и только самые большие деревья составляют ему компанию. Прошло восемь лет, а штормам все еще не удалось нас выковырять отсюда. Они покончили с Мехико, Берлином и всей чертовой «Золотой подковой»¹, но наш домик торчит себе, как гноящаяся киста, вросшая в ландшафт.

Впрочем, наверное, они просто еще не заметили нас.

Исполнение приговора было отсрочено. Нечто в небесах погрузилось в сон, по крайней мере, в нашей части мира. Средоточие его сознания — вернее, средоточия, ибо их было множество,— переместились в стратосферу и застыли миллиардом кристаллических пылинок парящего интеллекта. К моменту нового снижения они окажутся на другой стороне Земли, и остальному коллективному разуму понадобится несколько дней, чтобы заполнить пробел.

Мы воспользовались передышкой, чтобы привести в порядок оборонительные сооружения. Я осматривал экзоскелет, который подрядчики только что установили на наш дом. Энн проверяла защитные ставни на фасаде. Наш дом превратился в чудовище,

¹ Золотая подкова (*Golden Horseshoe*) — самая густонаселенная агломерация Канады, расположенная на юге провинции Онтарио и включающая город Торонто.

угловатую крепость, опутанную стальными балками и утыканную громоотводами. Несколько годами ранее мы бы подали в суд на любого, кто так поступил с нами. Сегодня влезли в долги, чтобы оплатить переделку.

Я поднял глаза, услышав слабый рев над головой. В небе пролетало скопление крошечных крестообразных штуковин, поблескивавших на солнце и оставлявших за собой инверсионный след.

Облачные сеятели. Довольно распространенное зрелище. В те дни мы все еще думали, что сможем дать отпор.

— Ничего не получится,— серьезно сказала Джесс, стоявшая у моего локтя.

Я испуганно посмотрел на нее.

— Привет, Джесс. Не заметил, как ты подкралась.

— Из-за них тучи просто рассердятся,— сказала она со всей уверенностью, на которую способен четырехлетний ребенок. Она вглядывалась в голубой простор, прищурившись.— Они просто пытаются убить, э-э, посланника.

Я присел на корточки и посмотрел ей в глаза.

— И кто тебе это сказал?

Во всяком случае, не ее мать.

— Та женщина. Которая разговаривает с мамочкой.

И не только женщина, в чем я убедился, когда вернулся за угол и вышел во двор перед домом. Пара: лет двадцати с небольшим, слегка потрепанные, на футболках у обоих надписи. «Возлюби свою мать»,— гласила та, что красовалась на груди женщины, поверх принта с изображением Земли, сфотографированной с лунной орбиты. Мужская футболка была

многословнее: «Безудержный рост — кредо карциномы». Места для картинок не осталось.

Дети Матери-Земли. Они отступали по лужайке задом наперед, как будто боялись повернуться к Энн спиной. Она улыбалась и махала рукой, сама безобидность, но я искренне сочувствовал бедняжкам. Они, наверное, так и не поняли, что на них обрушилось.

Время от времени, когда заявлялись адвентисты седьмого дня, Энн приглашала их пострелять по тарелочкам. Обычно незваные гости молили разрешить им уйти.

— Сказали что-нибудь стоящее? — спросил я у своей жены.

— Да не особо.— Энн перестала махать и повернулась ко мне лицом. Ее улыбка превратилась в лиющуюся ухмылку.— Ты знал, что мы прогневали небесных богов? Ибо негоже семье обитать в отдельном жилище. Свое воздействие на окружающую среду следует свести к минимуму, ибо достойна сия среда уважения.

— Возможно, они правы,— заметил я. По крайней мере, вокруг осталось не так много людей, которые могли бы с ними спорить. Большинство наших бывших соседей уже перебрались в ульи. Впрочем, вовсе не из-за своего воздействия на окружающую среду.

— Ну да, это не такая уж белиберда, как некоторые другие идеи, пришедшие им на ум,— согласилась Энн.— Но раз уж им захотелось атаковать меня и переложить на мои плечи бремя ответственности за возмездие облачных демонов, могли бы позаботиться о подкреплении в виде парочки рациональных аргументов.

— Я так понимаю, кавалерия не пришла.

Она фыркнула.

— Все те же примитивные метафоры. Гея ринулась в бой с человечеством, ибо оно суть зараза. Поглядю, они считают ураганы чем-то вроде пенициллина.

— Не более безумно, чем некоторые вещи, которые говорят эксперты.

— Да, но им я тоже не всегда верю.

— Может, стоит поверить,— сказал я.— Мы же на самом-то деле понятия не имеем, что происходит.

— По-твоему, они имеют? Всего пару лет назад они все отрицали, помнишь? Говорили, что жизнь не может существовать без стабильной организованной структуры.

— Рискну предположить, что с тех пор они узнали много нового.

— Да ладно.— Энн сделала круглые глаза, изображая, что ошарашена таким известием.— Я-то думала, они все это время просто выдумывали заумные словечки и запускали их в народ.

Дочь шла между нами. Энн подхватила ее на руки; Джесс вскарабкалась матери на плечи и оглядела мир с головокружительной высоты взрослого человека.

Я оглянулся на удаляющихся фанатиков.

— И как же ты справилась с этой парочкой?

— Я согласилась с ними,— сказала Энн.

— Согласилась?

— Ну да. Человечество — заразный недуг. Отлично. Только вот некоторые из нас мутировали.— Она ткнула большим пальцем в наш замок.— Теперь мы устойчивы к антибиотикам.

Мы устойчивы к антибиотикам. Мы забаррикадировались в своем убежище, как раки-отшельники. Нас одолели, отбросили назад, подвергли децимации, но не уничтожили. Это всего лишь ремиссия.

Но сейчас, снаружи своих укреплений, мы наги. Даже на таком расстоянии буря может дотянуться и мгновенно прихлопнуть обоих. Как Джесс может просто сидеть на этой лужайке?

— Уже не могу радоваться солнечным дням,— признаюсь я дочери.

Она глядит в ответ с недоумением, которое, как я понимаю, вызвано не моей неспособностью наслаждаться ясной погодой, а тем, что я считаю это достойным комментария. Я продолжаю говорить, гоня прочь стойкое осознание того факта, что мы чужие друг другу.

— Небо может быть ярко-голубым, и солнце может сиять, но если где-то проплынет хотя бы одно пушистое облачко, невозможно избавиться от ощущения, что на меня... смотрят. И неважно, что оно слишком маленькое, чтобы мыслить самостоятельно, и что рассеется быстрее, чем успеет загрузиться. Я все время думаю, что это какой-то шпион, который поспешил к начальству с докладом.

— Сомневаюсь, что они способны видеть,— рассеянно говорит Джесс.— Они просто ощущают большие объекты — города, дымовые трубы, что-то горячее или что-то... зудящее. Только и всего.

Обманчиво нежный ветерок колышет ее волосы. Над нами между двумя грандиозными скоплениями кучево-дождевых облаков ползет узенькая полоска серого пара. Что там происходит? Случайное сцепление капель воды? Передача данных между узлами